

УДК 327

*Лукин А.Л.
Lukin A.L.*

Россия и формирующееся экономическое сообщество Северо-Восточной Азии: роль Республики Корея

**Russia and an emerging economic community of Northeast Asia:
the role of the Republic of Korea**

На продуктивность взаимодействия России с Азиатско-Тихоокеанским регионом негативно влияет то обстоятельство, что Москва слабо участвует в региональных экономических институтах. Автор полагает, что для России особый интерес представляет вхождение в институциональные структуры экономического сотрудничества Северо-Восточной Азии, поскольку именно на страны этого региона приходится основной объём экономического взаимодействия России с АТР. России следует обратить пристальное внимание на трёхстороннее сотрудничество Китая, Японии и Южной Кореи, которое выступает в качестве ядра потенциального экономического сообщества Северо-Восточной Азии. Республика Корея может сыграть ключевую роль в том, чтобы содействовать участию России в процессе формирования сообщества Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: *Россия, Азиатско-Тихоокеанский регион, Северо-Восточная Азия, международные институты, регионализм, Трёхстороннее сотрудничество Китая, Японии и Республики Корея*

Russia's productive engagement with the Asia-Pacific is hampered by Moscow's lack of participation in the region's economic institutions. As the author argues, it is especially important for Russia to join the institutional arrangements of economic cooperation in Northeast Asia. Russia should pay special attention to Trilateral Cooperation of China, Japan and South Korea, which is viewed as the core of a potential economic community of Northeast Asia. Republic of Korea could play a key role in assisting Russian participation in the process of the formation of a Northeast Asian community.

Key words: *Russia, the Asia-Pacific, Northeast Asia, international institutions, regionalism, Trilateral cooperation of China, Japan and the Republic of Korea*

Россия – отсутствующий игрок в восточноазиатском экономическом регионализме

Ещё во время второго президентского срока Владимира Путина (2004–2008) был принят ряд государственных решений, призванных стимулировать развитие восточных регионов России и их экономическую интеграцию со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Работа выполнена в рамках программы «Поддержка корееведения в ведущих зарубежных вузах» Министерства образования Республики Корея и Академии корейских исследований (Academy of Korean Studies) (AKS-2015-OLU-2250003)

ЛУКИН Артём Леонидович, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** artlugin@mail.ru

Разразившийся в 2014 году украинский кризис и последовавшее за ним резкое ухудшение отношений с Западом акцентировали необходимость и важность разворота России на восток. На Дальнем Востоке сегодня реализуется ряд крупных проектов – в том числе территории опережающего развития, свободный порт Владивостока, международные транспортные коридоры, – успех которых во многом зависит от отношений России со своими азиатскими соседями.

Однако на продуктивность взаимодействия России с АТР негативно влияет то обстоятельство, что Москва слабо участвует в региональных экономических институтах. Со второй половины 1990-х годов Россия сумела вступить во все ведущие азиатско-тихоокеанские межправительственные форумы в сфере политики и безопасности (Региональный форум АСЕАН, Шестисторонние переговоры, Восточноазиатский саммит, расширенное Сопровождение министров обороны стран АСЕАН). Но в том, что касается экономического регионализма, представительство России выдвигает очень скромным. Форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество», к которому Россия присоединилась в 1998 году, остаётся единственным многосторонним экономическим институтом в АТР, где Россия представлена в качестве полноправного участника. Между тем уже стало совершенно очевидно, что АТЭС, вопреки первоначальным ожиданиям, не станет платформой для глубокой торгово-инвестиционной либерализации в АТР и в лучшем случае останется структурой по типу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), предназначенной для налаживания функционального сотрудничества в сравнительно узких, «нишевых» областях. Вместо АТЭС на первый план вышли два конкурирующих региональных интеграционных проекта – возглавляемое США Транс-Тихоокеанское партнёрство (Trans-Pacific Partnership, TPP) и продвигаемое Китаем и АСЕАН Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP). Россия в них никак не участвует. Даже если Москву пригласят присоединиться, вряд ли она будет к этому готова. Большинство отраслей российской промышленности отличаются низкой международной конкурентоспособностью, делая присоединение России к общерегиональной зоне свободной торговли в АТР маловероятным в перспективе на ближайшие 10–15 лет.¹

До недавнего времени Россия оставалась одной из немногих экономик АТР, не имевших двусторонних соглашений о свободной торговле со странами региона. Первое такое соглашение Россия (в составе Евразийского экономического союза, ЕАЭС) заключила в мае 2015 года о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Вьетнамом. Однако, учитывая, что объём торговли между ЕАЭС и Вьетнамом довольно незначителен, а многие тарифные линии изъяты из соглашения, ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам носит, в основном, символический и политический характер. В дополнении к Вьетнаму есть планы создания ЗСТ с Сингапуром, Таиландом, Индонезией, Малайзией и Камбоджей [1].

Не ограничиваясь рамками двусторонних ЗСТ, Москва выдвинула идею налаживания интеграционного взаимодействия между ЕАЭС, Шанхайской организацией сотрудничества и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [3]. Однако это предложение пока имеет довольно туманный облик и нуждается в более конкретном наполнении.

Даже если надежды Москвы на углубление связей со странами Юго-Восточной Азии материализуются, едва ли этого будет достаточно для того, чтобы изменить нынешний статус России как периферийного

¹ Как признала министр по торговле Евразийской экономической комиссии Евразийского экономического союза (ЕАЭС) Вероника Никишина, экономики стран ЕАЭС пока не готовы к режиму свободной торговли с АТР, прежде всего с Китаем [2].

игрока в экономической системе Восточной Азии. Причина заключается в том, что львиная доля торговых и инвестиционных связей России с АТР приходится отнюдь не на далёкую Юго-Восточную Азию, а на соседние страны Северо-Восточной Азии. Поэтому России необходимо в первую очередь искать пути подключения к институциональным механизмам в Северо-Восточной Азии.

Туманганский проект – мечта, не ставшая явью

Россия является одним из членов-учредителей Расширенной Туманганской инициативы (Greater Tumen Initiative, GTI, РТИ), межправительственной организации, которая ставит своей главной целью продвижение экономической интеграции и развитие трансграничного района на стыке границ России, Китая и Северной Кореи в бассейне реки Туманная (Туманган – кор., Тумен – кит.). Туманганский проект был инициирован в 1991 году при поддержке Программы развития ООН [8]. Помимо России РТИ сегодня включает в себя Китай, Россию и Монголию. Северная Корея являлась членом РТИ до 2009 года, но вышла в ответ на осуждение Советом Безопасности ООН проведённого ею ядерного испытания [9]. Организация имеет постоянный Секретариат, который расположен в Пекине. Однако амбициозные намерения Туманганской инициативы создать «второй Гонконг» в треугольнике границ России, Китая и Кореи остались по большей части на бумаге, и сама организация уже долго пребывает в состоянии полуанабиоза. Одна из причин такого застоя заключается в опасениях некоторых участников, особенно России и Северной Кореи, что большинство выгод от Туманганского проекта достанутся Китаю и Пекин будет в нем доминировать. Москву особенно тревожило то, что она может потерять суверенный контроль над территориями, которые предназначались к вхождению в Туманганский проект. Россию также беспокоило, что Туманганский проект может стать конкурентом для Транссибирской магистрали и морских портов в Приморье. Ещё одним фактором, ослабляющим привлекательность РТИ, может считаться отсутствие в организации Японии, второй по размеру и наиболее развитой экономики Восточной Азии. Наконец, деятельность РТИ так и не смогла выйти на высокий межгосударственный уровень, который подразумевает регулярные встречи министров, глав правительств и государств, оставаясь в значительной степени инициативой провинциальных правительств. Самый высокий межправительственный уровень работы РТИ представлен совещаниями заместителей министров.

Хотя некоторые проекты РТИ, такие как содействие развитию международных транспортных коридоров могут быть полезны России и другим участникам, очевидно, что РТИ не может служить институциональной основой для экономической интеграции в Северо-Восточной Азии. Есть ли альтернативные варианты? Кроме РТИ в Северо-Восточной Азии существует лишь одна межгосударственная многосторонняя интеграционная структура – это Трёхстороннее сотрудничество Китая, Республики Кореи и Японии, известное также как СЖК (по первым буквам английских наименований стран-участников).

Трёхстороннее сотрудничество Китая, Японии и Республики Кореи

Начало трёхстороннему сотрудничеству между КНР, Японией и Республикой Корея было положено в ноябре 1999 года во время саммита АСЕАН+3 на Филиппинах. Премьер Госсовета Китайской Народной Республики Чжу Жунцзи, премьер-министр Японии Кейзо Обути и президент Южной Кореи Ким Дэ Чжун провели неформальную встречу за

завтраком в кулуарах саммита. На этих переговорах лидеры трёх стран обсудили вопросы, касающиеся торговли, окружающей среды, сельского хозяйства и т.д.

Последующие трехсторонние встречи также проходили в рамках саммитов АСЕАН+3 и носили неформальный статус. Однако в 2003 году, в рамках саммита на Бали в Индонезии, лидеры КНР, Японии и Республики Корея впервые выступили с совместной декларацией о содействии Трёхстороннему сотрудничеству. С этого момента начали проводиться встречи министров иностранных дел, экономики и торговли, здравоохранения, науки и др. В отличие от «Шестисторонних переговоров» с их политико-стратегической проблематикой, трёхстороннее взаимодействие Китая, Кореи и Японии изначально сосредоточилось в основном на экономической, технологической, экологической и культурно-гуманитарной областях.

В декабре 2008 года в японской Фукуоке состоялся первый самостоятельный, то есть вне контекста АСЕАН+3, саммит с участием премьер-министра Японии, председателя КНР и президента Южной Кореи. Лидеры государств подписали «План действий по развитию трёхстороннего сотрудничества» и договорились, что отныне такие встречи будут проводиться ежегодно. Второй Трёхсторонний саммит прошёл в октябре 2009 года в Пекине. В ходе саммита лидеры Китая, Японии и Южной Кореи обсудили глобальные и региональные проблемы, подтвердив готовность углублять взаимное сотрудничество.

Следующий шаг по институционализации трёхсторонних отношений был сделан на встрече в 2010 году, когда Президент Республики Корея Ли Мён Бак предложил создать постоянный секретариат. Секретариат Трёхстороннего сотрудничества (Trilateral Cooperation Secretariat) был официально открыт в сентябре 2011 года в Сеуле.

Учитывая, как сильно связаны экономики трёх стран, проект создания зоны свободной торговли внутри интеграционного треугольника был предложен ещё в 2002 году Китаем. Токио и Сеул тогда заняли выжидательную позицию. Японская сторона считала необходимым сначала посмотреть, насколько последовательно Китай будет придерживаться правил ВТО, куда он вступил в 2001 году. В конце 2002 года лидеры трёх стран договорились начать анализ экономической целесообразности создания зоны свободной торговли. С 2003 по 2009 год научно-исследовательские институты трёх стран провели исследование о влиянии зоны свободной торговли, которое показало, что она может расширить межрегиональный рынок, способствовать трёхсторонней экономической интеграции и содействовать взаимной выгоде между тремя странами.

В мае 2012 года в Пекине прошёл очередной саммит Китая, Японии и Республики Корея. В переговорах принимали участие премьер-Госсовета КНР Вэнь Цзябао, президент Республики Корея Ли Мен Бак и премьер-министр Японии Есихико Нода. Они обсудили вопросы взаимодействия в промышленной и финансовой сферах, а также расширения социальных и гуманитарных обменов. У пекинского саммита было два важных результата. Во-первых, три страны согласились начать официальные консультации по созданию зоны свободной торговли. Во-вторых, Китай, Япония и Республика Корея подписали соглашение о регулировании и защите взаимных инвестиций (вступило в силу в мае 2014 года) [6]. Это соглашение – первая важная договорённость, достигнутая Китаем, Японией и Республикой Корея в экономической области, и рассматривается как прелюдия к формированию трёхсторонней зоны свободной торговли [4].

Однако вскоре после саммита в Пекине отношения Японии с ее азиатскими соседями заметно ухудшились. Это произошло на фоне обострения территориальных споров и ряда разногласий, оставшихся после

окончания Второй мировой войны. В частности, большое недовольство Сеула и Пекина вызывали паломничества японского премьера и членов правительства страны в токийский храм Ясукуни, который в странах Азии считается символом милитаризма Японии. Пекин заявил, что руководство КНР вообще не будет встречаться с премьер-министром Японии и отказывается вести переговоры с Токио. Сеул объявил о «полном переосмотре» всей своей политики в отношении Японии.

Несмотря на явное охлаждение в отношениях, в том же 2012 году Япония, Китай и Южная Корея приняли решение о проведении переговоров по поводу соглашения о свободной торговле. Территориальные споры могли поставить под угрозу это решение, но, удачно воспользовавшись площадкой саммита АСЕАН в Камбодже, министры экономики и торговли этих стран приняли участие в совместных встречах. К настоящему времени проведено десять раундов переговоров по трёхсторонней ЗСТ (последний по времени состоялся в Сеуле в июне 2016 года), на которых обсуждались ключевые вопросы, в том числе упрощение таможенных процедур, санитарные нормы, права интеллектуальной собственности и электронная коммерция.

В ноябре 2015, после более чем трёхлетнего перерыва, вызванного обострением китайско-японских и корейско-японских отношений, были возобновлены встречи на высшем уровне. В Сеуле состоялся Трёхсторонний саммит президента Республики Корея Пак Кын Хе, премьера Госсовета Китая Ли Кэцзяна и премьер-министра Японии Синдзо Абэ. Факт встречи на высшем уровне означает, что политико-исторические разногласия удалось смягчить. Стороны провозгласили, что «трёхстороннее сотрудничество полностью восстановлено», и договорились о его углублении и дальнейшей институционализации [7]. Было решено, что следующий саммит примет в 2016 году Япония.

Со времени начала процесса трёхстороннего взаимодействия в 1999 году группировка СЖК превратилась в развитый и разветвлённый институт. Помимо саммитов трёхстороннее сотрудничество включает в себя свыше 50 межправительственных механизмов, в том числе около 20 секторальных министерских встреч. В качестве долгосрочной цели провозглашено создание общего рынка. Кроме того, Республика Корея выдвинула инициативу создания Банка развития Северо-Восточной Азии [7].

Экономическая зависимость стран тройки друг от друга довольно высока. Так, по данным за 2014 год, для Японии Китай является главным источником импорта товаров и вторым по значимости экспортным рынком, в то время как Южная Корея является третьим по значимости направлением экспорта. В торговле Южной Кореей Китай занимает первое место как по импорту, так и по экспорту, а Япония является для неё вторым по величине источником импорта и третьим экспортным рынком. Наконец, для Китая Южная Корея и Япония выступают, соответственно, первым и вторым по величине источниками импорта; кроме того, Япония и Южная Корея являются вторым и третьим экспортными рынками для Китая (если не учитывать экспорт КНР в Гонконг) [11, p. 29].

В конечном итоге СЖК может эволюционировать в интеграционный региональный блок Северо-Восточной Азии, сопоставимый с Европейским союзом или Североамериканской зоной свободной торговли, и даже, по мнению некоторых аналитиков, бросить вызов глобальной гегемонии США [5, p. xiv]. Следует оговориться, что речь идёт именно о потенциальной возможности, которая может реализоваться, но может и быть упущена. Главным препятствием выступают политические факторы. Это, прежде всего, китайско-японские и корейско-японские противоречия, сфокусированные на интерпретации событий первой половины двадцатого века. Кроме того, негативную роль играет нарастающее геополитическое соперничество Пекина с Вашингтоном, младшими союзниками

которого являются Токио и Сеул. Если трёхстороннее сотрудничество зайдёт слишком далеко, не исключено, что американцы попытаются его торпедировать. Не все выглядит однозначно и с тенденциями экономической интеграции. Так, по одной из оценок, коэффициент интенсивности внутрирегиональной торговли между странами СJK достиг пика (1,74) в 2003 году, но к 2014 году снизился до 1,03. Остаётся сравнительно низким уровень взаимной торговли услугами и обмена инвестициями [11, р. 26].

СJK + R + M = «Сообщество Северо-Восточной Азии»?

Несмотря на некоторую неопределённость перспектив политико-экономической интеграции в Северо-Восточной Азии, России стоит куда более внимательно следить за этими процессами. Сегодня Москва почти не обращает внимания на складывающееся у ее восточных границ экономическое сообщество, что едва ли можно признать разумной политикой. Взаимодействие с СJK – это, пожалуй, самый реальный для России путь институциональной интеграции в Восточную Азию. Именно Китай, Япония и Южная Корея являются крупнейшими торговыми и инвестиционным партнёрами России в Азии. Все остальные контрагенты России в АТР – это лишь довесок к «большой северо-восточно-азиатской тройке». Активно создаваемые сейчас на российском Дальнем Востоке «территории опережающего развития» и свободный порт Владивостока, для которых предусмотрена беспрецедентная для России степень либерализации административных и таможенных процедур, рассчитаны в первую очередь на китайский, японский и южнокорейский бизнес.

Москва должна задуматься о возможных способах участия в деятельности Трёхстороннего сотрудничества. Разумеется, речь не идёт о присоединении к СJK в качестве полноправного члена. Это весьма отдалённая перспектива. Но почему бы не участвовать в работе группировки в качестве ассоциированного члена или, что более реалистично на первых порах, в роли наблюдателя или партнёра по диалогу. Многие направления работы Трёхстороннего сотрудничества совпадают с приоритетами развития российского Дальнего Востока и национальной экономики в целом. В их числе – энергетика, транспорт и логистика, сельское хозяйство, а также освоение Арктики (в совместной декларации состоявшегося в ноябре 2015 года в Сеуле трёхстороннего саммита предусмотрено создание диалогового механизма по Арктике).

России не следует ждать, когда ее начнут забывать в СJK. Персонального приглашения мы можем и не дожидаться: страны «большой тройки» вполне могут обойтись и без России, а вот мы-то точно не сможем развивать восточный вектор своей экономики без тесного взаимодействия с ними. Надо перебороть великодержавную гордость и самим настойчиво постучаться в двери вызревающей региональной группировки. Есть шанс, что откроют. Пекин – наш главный друг и почти союзник. У нас довольно дружественные отношения с Сеулом. Наконец, Токио, хотя и самый проблематичный для нас партнёр из этих трёх, тоже заинтересован в укреплении связей с Россией.

Республика Корея могла бы сыграть ключевую роль в том, чтобы помочь России присоединиться к процессу формирования в Северо-Восточной Азии интеграционной группировки. Во-первых, как уже отмечалось, у Сеула сложились довольно стабильные и дружественные отношения с Москвой, и обе стороны заинтересованы в их укреплении. Добрые услуги Сеула по лоббированию российского участия в СJK будут позитивно расценены Москвой и улучшат атмосферу в двусторонних отношениях, которая, следует признать, в последние годы несколько ухудшилась в связи с украинским кризисом и попытками Запада изолировать Россию. Во-

вторых, присоединение России к СЖК в том или ином качестве поможет сбалансировать доминирование в группировке двух крупных игроков – Китая и Японии, уменьшая тем самым риск для Южной Кореи оказаться в роли «креветки среди китов». В-третьих, Республика Корея стремится позиционировать себя как «среднюю державу» (middle power), что в частности означает способность и готовность выступать в роли посредника и активного агента многосторонних механизмов. Если благодаря усилиям Сеула в формирующуюся группировку вступят Россия и, возможно, Монголия (еще одна страна Северо-Восточной Азии, остающаяся за бортом институциональной интеграции в регионе), это будет крупной дипломатической победой, которая повысит престиж Республики Корея как зрелой «средней державы», активного и конструктивного международного игрока.

Без России и Монголии, а в более отдалённой перспективе также и Северной Кореи, экономической обществу Северо-Восточной Азии не будет полноценным. Кроме того, с добавлением России и Монголии, более широкий состав сообщества Северо-Восточной Азии будет служить гашению и «амортизации» хорошо известных политических противоречий в отношениях Китай-Япония и Корея-Япония, которые серьёзно тормозят развитие сотрудничества и институциональной интеграции в регионе.¹ Для России и Монголии одним из дополнительных эффектов участия в экономическом мультилатерализме в Северо-Восточной Азии будет снижение риска попадания в чрезмерную зависимость от Китая, поскольку китайское геоэкономическое влияние будет до некоторой степени уравновешиваться Японией и Южной Кореей в рамках совместной интеграционной структуры.

Литература

1. АСЕАН приглашают в торговую зону// Коммерсантъ. 20.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2993434?utm_source=kommersant&utm_medium=economic&utm_campaign=four (дата обращения: 20.06.2016 г.).
2. Интервью с Вероникой Никишиной // Rambler News Service. 21.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://rns.online/interviews/Ministr-po-torgovle-EEK-o-proekte-Bolshaya-Evraziya--2016-06-21/> (дата обращения: 29.06.2016 г.).
3. Путин: ЕАЭС продолжит развивать связи с ШОС и АСЕАН // Вести Экономика. 31.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/71377> (дата обращения: 05.06.2016 г.).
4. Саммит Китая, Японии и Республики Корея//CNTV. 14.05.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cntv.ru/2012/05/14/ART11336956991071168.shtml> (дата обращения: 16.04.2016 г.).
5. Calder, K., Min Ye. The Making of Northeast Asia. Stanford, CA: Stanford University Press, 2010. 340 p.
6. Chen, P. BIT/MIT and corporate structure : from the comparison between CJK Investment Treaty and Cross-Strait Investment Agreement in view of P to G disputes resolution (Taiwan)//Lee, Tsai&Partners. [Электронный

¹ О том, как расширение числа участников в интеграционном институте может содействовать его более успешной работе, см., например, [10].

ресурс]. URL: <http://www.leetsai.com/fyi/front/bin/ptdetail.phtml?Part=COL-E-00068&Category=107883> (дата обращения: 23.06.2016 г.).

7. Full text of joint declaration of trilateral summit // Yonhap. 01.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2015/11/01/0301000000AEN20151101003900315.html> (дата обращения: 01.07.2016 г.).

8. Greater Tumen Initiative: Overview// Greater Tumen Initiative. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tumenprogramme.org/?list-1524.html> (дата обращения: 15.06.2016 г.).

9. Ko Chang-nam. Utilizing GTI to realize the Eurasian Initiative // The Korea Times. 23.02.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinion/2015/03/162_173976.html (дата обращения: 10.06.2016 г.).

10. Strike one for trade agreements in Northeast Asia // East Asia Forum. 30.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/05/30/strike-one-for-trade-agreements-in-northeast-asia/> (дата обращения: 02.06.2016 г.).

11. 2015 Trilateral Economic Report. September 2015. Trilateral Cooperation Secretariat, October 2015. 74 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. ASEAN priglashayut v torgovuyu zonu// Kommersant". 20.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2993434?utm_source=kommersant&utm_medium=economic&utm_campaign=four (дата обращения: 20.06.2016 г.).

2. Interv'yu s Veronikoj Nikishinoj // Rambler News Service. 21.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://rns.online/interviews/Ministr-po-torgovle-EEK-o-proekte-Bolshaya-Evraziya--2016-06-21/> (дата обращения: 29.06.2016 г.).

3. Putin: EAEHS prodolzhit razvivat' svyazi s SHOS i ASEAN // Vesti Ekonomika. 31.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/71377> (дата обращения: 05.06.2016 г.).

4. Sammit Kitaya, Yaponii i Respubliki Koreya//CNTV. 14.05.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cntv.ru/2012/05/14/ART11336956991071168.shtml> (дата обращения: 16.04.2016 г.).

5. Calder, K., Min Ye. The Making of Northeast Asia. Stanford, CA: Stanford University Press, 2010. 340 p.

6. Chen, P. BIT/MIT and corporate structure : from the comparison between CJK Investment Treaty and Cross-Strait Investment Agreement in view of P to G disputes resolution (Taiwan)//Lee, Tsai&Partners. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leetsai.com/fyi/front/bin/ptdetail.phtml?Part=COL-E-00068&Category=107883> (дата обращения: 23.06.2016 г.).

7. Full text of joint declaration of trilateral summit // Yonhap. 01.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2015/11/01/0301000000AEN20151101003900315.html> (дата обращения: 01.07.2016 г.).

8. Greater Tumen Initiative: Overview// Greater Tumen Initiative. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tumenprogramme.org/?list-1524.html> (дата обращения: 15.06.2016 г.).

9. Ko Chang-nam. Utilizing GTI to realize the Eurasian Initiative // The Korea Times. 23.02.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/opinion/2015/03/162_173976.html (дата обращения: 10.06.2016 г.).

10. Strike one for trade agreements in Northeast Asia // East Asia Forum. 30.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/05/30/strike-one-for-trade-agreements-in-northeast-asia/> (дата обращения: 02.06.2016 г.).

11. 2015 Trilateral Economic Report. September 2015. Trilateral Cooperation Secretariat, October 2015. 74 p.